

Услышав приступ тошноты Чжун Минхэ, Ли Дэли так перепугался, что едва не лишился чувств. Он поспешно начал поглаживать хозяина по спине и вытер ему рот платком, взволнованно и испуганно пролепетал:

— Ох, Ваше Величество, что же это с вами!

Лишь бы не заболел по-настоящему, ведь болезнь — это такие мучения.

Чжун Минхэ было так плохо, что он с досадой отбросил палочки. Он с неприязнью посмотрел на тарелку с тушеной свининой в соевом соусе. Это было его самое любимое блюдо, но сейчас при одном взгляде на него возникало отвращение.

— От этого так разит, какой ужасный запах, — Чжун Минхэ, зажав нос, постарался отодвинуться подальше.

— Разит? — Ли Дэли поднял тарелку и понюхал, но, кроме аппетитного запаха мяса и специй, ничего не почувствовал.

Он поставил тарелку обратно и, обеспокоенно вглядываясь в лицо Чжун Минхэ, предложил:

— Ваше Величество, может, прикажете позвать лекаря Ли? Вы в последнее время постоянно сонные, вялые, да и аппетита совсем нет. Я думал, это от усердной учебы, но теперь вижу — дело в другом. Давайте позовем лекаря, мне так будет спокойнее.

Чжун Минхэ больше всего на свете боялся врачей, ведь визит лекаря означал прием горьких отваров, а пить их пришлось бы долго. Нет, он на это не согласен!

Поэтому он решительно отказался:

— Нет, я в порядке. Со мной всё хорошо. Сейчас зима, в зимнюю пору всегда хочется полениться. Да и жара у меня нет, кашля тоже, значит, я не болен, и лекарь не нужен. — Чжун Минхэ настойчиво приложил ладонь Ли Дэли к своему лбу, чтобы тот убедился в отсутствии температуры.

Кожа была обычной температуры, никакого жара, но ведь симптомы маленького хозяина никуда не делись. Ли Дэли хотел было настоять на своем, но Чжун Минхэ и слушать не желал.

Его хозяин был хорош во всем, кроме визитов к врачам и приема лекарств — чтобы уговорить его на это, требовалось немало хитрости, а теперь стало и вовсе невозможно.

Ли Дэли лишь беспомощно вздохнул:

— Эх, хорошо. Но если почувствуете себя хуже — обязательно скажите.

— Угу, — Чжун Минхэ энергично закивал. Однако, бросив взгляд на тушеную свинину, он снова ощутил приступ тошноты. Отворачиваясь, он преодолевая себя, произнес:

— Уберите это.

— Что же тогда пожелает Ваше Величество? — Ли Дэли унес тарелку подальше.

— Пастилу из боярышника! — выпалил Чжун Минхэ.

— Боярышник возбуждает аппетит, а на ночь такое есть не стоит.

— Тогда... дай чего-нибудь кисло-сладкого.

— Слушаюсь, сейчас же распоряжусь.

Наблюдая, как Ли Дэли уносит свинину, Чжун Минхэ непроизвольно погладил живот. Внутри у него было какое-то странное ощущение, он даже не мог объяснить, в чем именно дело. Впрочем, как только принесли вкусоности, это чувство быстро улетучилось.

В последнее время всеми государственными делами занимался Чжун Минхэ. Хотя ему помогали советами Чжоу Цзицзи и Пэн Лянь, в целом всё шло гладко, и все вопросы успешно решались.

После утреннего собрания Чжун Минхэ вернулся в Зал Усердного Правления, где уже были приготовлены легкие закуски.

Несмотря на то, что утренние доклады проходили ежедневно, Чжун Минхэ приучил себя вставать рано, успевая лишь проглотить пару ложек жидкой каши перед выходом. Поэтому в Зале Усердного Правления всегда держали наготове его любимые лакомства.

В последнее время он пристрастился к кислому. Тот, кто раньше терпеть не мог кислотину, теперь с аппетитом уплетал пастилу из сушеного зизифуса.

Сегодня Пэн Ляня не было, вместо него пришел Чжоу Цзицзи.

Чжун Минхэ как раз доедал последний кусочек, облизал пальцы, собирая крошки, а затем ополоснул руки в теплой воде, которую подал Ли Дэли. Подняв голову, он увидел Чжоу Цзицзи.

— Учитель сегодня не пришел? — Чжун Минхэ вытянул шею, заглядывая за спину Чжоу Цзицзи, но знакомой фигуры не увидел, и на лице его промелькнуло разочарование.

Чжоу Цзицзи поклонился:

— Да. Великому наставнику Пэну нездоровится, он отдыхает дома. Сегодня занятия проведу я.

— А? Учитель болен? — Чжун Минхэ вскочил, в глазах отразилась тревога.

Болезнь — это так больно и неприятно, он не хотел, чтобы учитель мучился.

— Тогда... скорее позовите врача, отправьте лекарства. Я... я сам хочу навестить учителя! — собираясь уходить, он наткнулся на преграду — дорогу ему заступил Чжоу Цзицзи.

Чжоу Цзицзи взглянул на Ли Дэли:

— Ли Дэли, отправь Великому наставнику Пэну целебные травы и подарки.

— Сейчас же распоряжусь!

— Иди сам.

Ли Дэли замялся, бросил взгляд на маленького императора и, наконец, ответил:

— Слушаюсь.

Когда Ли Дэли ушел, в зале остались лишь Сяо Юань и Чжао Юэ, но Чжоу Цзицзи под предлогом отправил и их прочь. Теперь в помещении остались только они вдвоем.

Чжун Минхэ вернулся на свое место и раскрыл доклады. Украдкой взглянув на Чжоу Цзицзи и убедившись, что тот не смотрит, он облегченно вздохнул и взялся за кисть, чтобы оставить пометки.

Стоило ему заняться письмом или делами, как он становился предельно серьезен. Сосредоточенно, выводя каждую черточку, он покрыл лист рисовой бумаги изящными знаками.

Чжун Минхэ не заметил, как Чжоу Цзицзи подошел совсем близко. Лишь на третьем докладе он увидел протянувшуюся к нему крепкую руку.

У Чжоу Цзицзи были большие, красивые руки, способные накрыть весь доклад целиком — сразу видно, руки человека, привыкшего держать оружие на поле боя.

Чжун Минхэ на мгновение замер, но тут же опомнился. Вспомнив, что забыл замаскировать свой почерк, он вцепился в доклад, который у него хотели забрать:

— Не... не смотри...

Ладонь Чжоу Цзицзи была огромной, и Чжун Минхэ мог схватиться лишь за самый краешек бумаги. Несмотря на все старания, удержать документ против силы Чжоу Цзицзи он не мог, тем более что его собственные силы не составляли и десятой доли сил Регента.

В итоге он вцепился в доклад обеими руками, а заодно и в руку Чжоу Цзицзи, даже встал со своего места, не желая отдавать бумагу.

Руки маленького императора, согретые у печи, были теплыми и мягкими, язвы на них почти зажили, исчезли гноящиеся участки, остались лишь корочки — видимо, лекарства помогали. Это немного успокоило Чжоу Цзицзи, но руку он не разжал, а наоборот, резко дернул на себя.

Чжун Минхэ упирался изо всех сил, и от этого рывка потерял равновесие, заваливаясь назад.

В тот момент, когда его поясница должна была удариться о край стола, Чжоу Цзицзи подхватил его.

У Чжоу Цзицзи были не только большие ладони, но и длинные руки — одной он обхватил мальчика за талию, словно прижимая к себе.

Чжун Минхэ, не обращая на это внимания, пытался вырвать доклад, но Чжоу Цзицзи поднял руку высоко вверх, не давая дотянуться.

Мальчик разозлился до предела, лицо его побагровело, щеки раздулись, как у рассерженного хомячка. Но он ничего не мог поделать — не кусать же руку Чжоу Цзицзи или пинать его?

Если он решится на такое, то кулак Чжоу Цзицзи, размером с котелок, вмиг его пришибет.

— Отпусти... отпусти меня! Убери руки! — задрав подбородок, Чжун Минхэ попытался упереться ладонями в грудь Регента, мечтая оказаться как можно дальше.

Чжоу Цзици разжал объятия и с легкой улыбкой произнес:

— Прошу прощения, Ваше Величество. Я увидел, что вы падаете, и хотел помочь. Не имел намерения вас обидеть.

Чжун Минхэ сердито плюхнулся на стул и демонстративно переложил остальные документы в сторону.

Чжоу Цзици не обратил на это внимания. Он небрежно пролистал доклад и, увидев почерк Чжун Минхэ, не выразил никакого удивления.

Письмо, конечно, не было шедевром, но все знаки были выписаны аккуратно, ровно и старательно. По сравнению с тем, что было месяц назад, это небо и земля. Теперь казалось, что мальчик всё это время притворялся.

Чжоу Цзици не удержался от насмешки:

— Всего месяц прошел, а Ваше Величество пишет уже так хорошо?

В том-то и была причина, почему Чжун Минхэ не хотел показывать почерк. Он не желал, чтобы Чжоу Цзици знал, что он умеет писать красиво, но и в важных докладах писать как курица лапой ему не хотелось.

Хотя он не знал, что Чжоу Цзици всё уже давно видел: все документы, которые обрабатывал император, неизменно попадали на стол Регенту для проверки — на случай возможных ошибок.

Чжун Минхэ стало не по себе. Он невольно начал теревить пальцы и неуверенно ответил:

— Это... это всё благодаря усердному обучению учителя.

Чжоу Цзици, наклонившись, наблюдал за всеми его суетливыми движениями. Уголки его губ приподнялись, но он не стал разоблачать императора, лишь согласился:

— Похоже, Великий наставник Пэн и вправду хорош.

— М? — Чжун Минхэ поднял голову и захлопал ресницами.

А? Поверил? Регент... кажется, его немного легко обмануть.

Лицо Чжун Минхэ просияло, но, встретившись взглядом с Чжоу Цзици, он тут же спрятал улыбку и опустил голову.

Уголки губ Чжоу Цзици слегка опустились, сменившись бессильной усмешкой.

Что ж, впереди еще много времени.

По крайней мере, маленький император довольно умен — он не глупыш, просто по-детски чист и наивен.

В последние дни все чиновники знали, что Регент пригласил Великого наставника Пэна обучать императора. Никто не мог понять, что же на самом деле замышляет этот властный человек, держащий в руках все нити государственного управления.

Если сказать, что он жаждет узурпировать трон, то зачем ему Пэн Лянь? К тому же, он во всем считается с мнением императора, даже в сущих пустяках, и выражает ему глубокое уважение.

Если сказать, что у него нет злых намерений — тоже неправда. Он вечно засиживается в покоях императора до самого темна. По слухам, доходящим из Зала Чундэ, маленький император до смерти боится Регента, часто дрожит от страха и не смеет поднять на него глаз.

Вдруг кого-то осенило: Пэн Лянь — учитель Юэ Цюаньцина, приемного отца Чжоу Цзицзи, их отношения необычайно близки. Пригласив Пэна, Регент наверняка хочет установить за императором еще более жесткую слежку!

Люди негодовали: этот Регент не оставляет ни малейшего шанса на спасение. И вздыхали: сколько еще продержится маленький император, сколько еще продержится Даюань...

<http://bllate.org/book/21172/2144770>